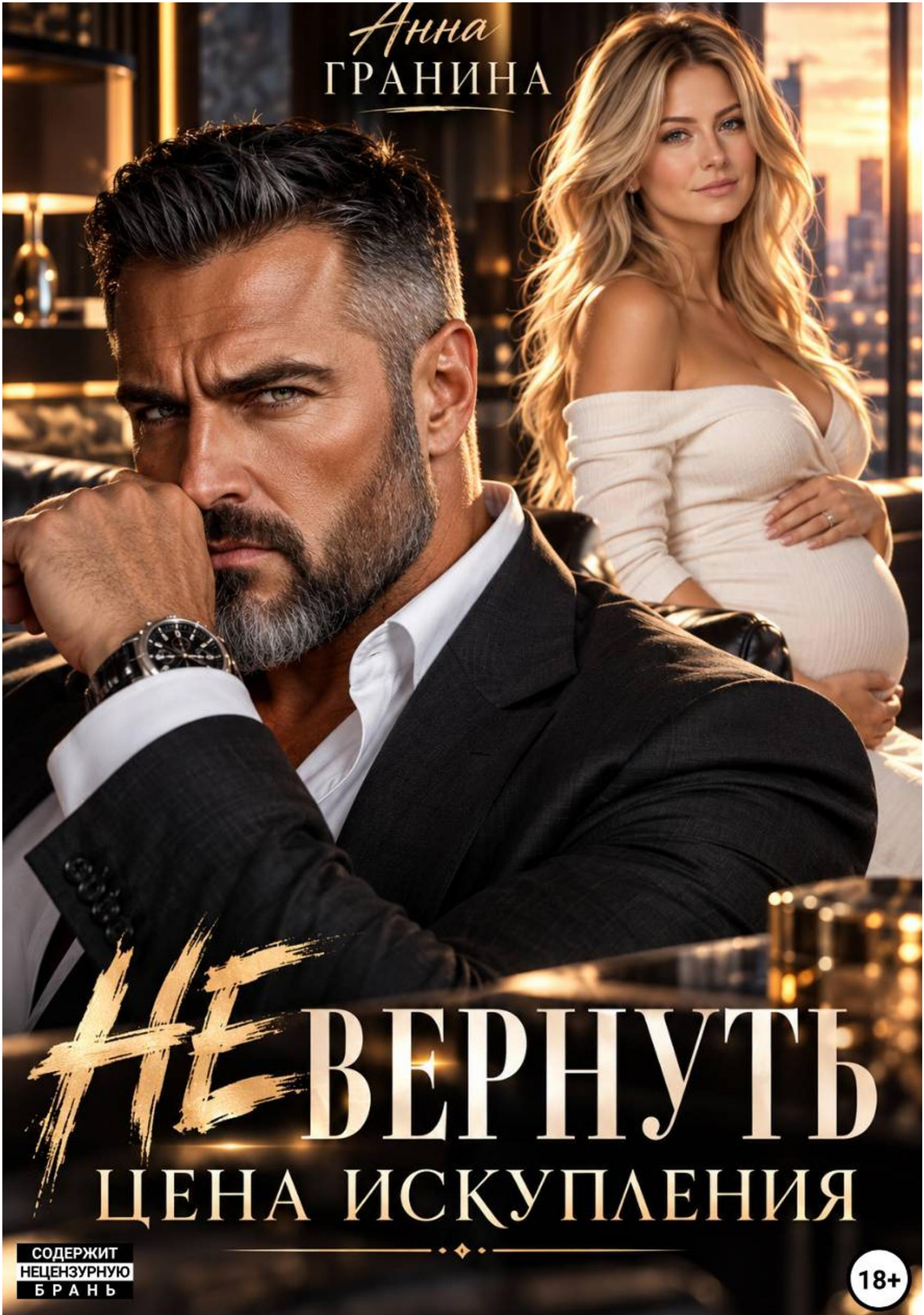

Анна
ГРАНИНА
НЕ ВЕРНУТЬ
ЦЕНА ИСКУПЛЕНИЯ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Анна Гранина

(Не) вернуть. Цена искупления

«Автор»
2026

Гранина А.

(Не) вернуть. Цена искупления / А. Гранина — «Автор», 2026

— Ты носишь моего ребёнка, — его взгляд прожигает меня насквозь— Так в чём проблема? — огрызаюсь я, скрывая дрожь в голосе. — Он будет расти только в полной семье. Ты вернёшься, или я... – многозначительно молчит. И я понимаю, что он имеет в виду. Полгода назад я сбежала из двадцатилетнего брака, унося с собой боль предательства и развод. Я уехала из страны, надеясь все забыть, но мне пришлось вернуться. Беременной. И он узнал.

© Гранина А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

АННОТАЦИЯ 6
Глава 1. Вика. 7
Глава 2. Вика. 9
Глава 3. Вика. 11
Глава 4. Вика. 14
Глава 5. Вика. 16
Глава 6. Вика. 18
Глава 7. Вика. 20
Глава 8. Вика. 24
Глава 9. Макс. 26
Глава 10. Максим. 29
Глава 11. Максим. 31
Глава 12. Максим. 34
Глава 13. Максим. 36
Глава 14. Максим. 39
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Анна Гранина
(Не) вернуть. Цена искупления

(не)вернуть. Цена искупления.

АННОТАЦИЯ

— Ты носишь моего ребёнка, — его взгляд прожигает меня насквозь

— Так в чём проблема? — огрызаюсь я, скрывая дрожь в голосе.

— Он будет расти только в полной семье. Ты вернёшься, или я… – многозначительно молчит. И я понимаю, что он имеет в виду.

Полгода назад я сбежала из двадцатилетнего брака, унося с собой боль предательства и развод. Я уехала из страны, надеясь все забыть, но мне пришлось вернуться. Беременной. И он узнал.

Глава 1. Вика.

Москва встречает меня серым небом и прохладным воздухом, пропитанным знакомыми запахами. Аэропорт шумит, суетится вокруг, но я иду по нему как в тумане. Никто не встречает, никто не ждёт. И это правильно. Я вернулась одна, как и уезжала.

Выхожу на стоянку такси, оглядываюсь. Москва — мой дом, но сейчас она кажется чужой, как будто я никогда здесь не жила. Вдохнув поглубже, подхожу к первому свободному водителю.

— Куда едем? — спрашивает мужчина лет сорока, бросая взгляд на мой живот.

— Кутузовский проспект, — отвечаю я.

Он кивает, помогает загрузить чемоданы.

Машина плавно выезжает с парковки. Я смотрю в окно, вглядываюсь в улицы, которые знаю наизусть. Прошло полгода. Полгода, которые перевернули мою жизнь.

— Вам помочь с чемоданами до квартиры? — вдруг спрашивает таксист, когда мы подъезжаем к нужному дому. — Вам одной тяжело будет.

Я смотрю на него, потом на чемоданы. Честно говоря, я не подумала об этом.

— Если вам не сложно…

— Конечно, помогу.

Он берёт оба чемодана, заносит их в подъезд, поднимает на лифте, ставит перед дверью квартиры. Я достаю ключи, открываю дверь.

— Спасибо вам, — говорю искренне, протягивая ему купюру.

— Да не за что. Берегите себя, — кивает он и уходит.

Я вхожу в квартиру, закрываю за собой дверь, ставлю ладонь на живот. Здесь ничего не изменилось. Те же стены, те же книги на полке. Дом. Но я чувствую себя чужой.

Спать не хочется. Тело гудит от перелёта, но голова работает. Надо ехать к Оле.

Больница пахнет антисептиком и лекарствами. Я захожу в палату, и Оля, увидев меня, буквально замирает.

— Ни хрена себе! — выдыхает она, таращась на мой живот. — Ты… ты что, беременна?!

Я закатываю глаза.

— Нет, просто решила протестировать подушку под одеждой.

— Вика! — Она хлопает себя по лбу, потом взмахивает руками. — Это что за приколы? Почему я узнаю об этом вот так?!

Я улыбаюсь, сажусь рядом.

— Ну… сюрприз?

Оля ещё пару секунд шокированно смотрит, потом закатывает глаза.

— Сюрприз?! Вика, это же… седьмой месяц? Ты… ты вообще в своём уме? Лететь на таком сроке! Почему ты мне не сказала?!

Я вздыхаю.

— Потому что ты бы отреагировала вот так.

— А как мне ещё реагировать?! — Оля обхватывает голову руками, смотрит на меня в упор. — Ты беременна. Ты летала через полмира одна. Ты… ты вообще думала, что могло пойти не так?

— Оля…

— Нет, ты скажи мне честно! Что у тебя в голове творится?!

Я смотрю на неё, чуть улыбаюсь.

— Всё будет хорошо.

Она фыркает, качает головой.

— Ой, ну конечно, скажи ещё «я справлюсь», и я тебя точно ударю.

Я смеюсь, но потом замолкаю, смотрю в окно.

— Оль, я действительно справлюсь. Я просто не могла не прилететь. Ателье, ты… всё это не могло ждать.

Она смотрит на меня долго, потом фыркает.

— Ну да, конечно. Ты ж у нас героиня. Только героиням иногда надо, чтоб рядом был кто-то, кто поймает, если они споткнутся.

Я знаю, что она права. Но сейчас… я просто не могу.

— Дай мне немного времени, ладно?

Оля смотрит на меня долго, потом вздыхает.

— Ладно. Но учти, я буду тебя терроризировать, пока ты тут.

— Ну хоть что-то стабильное, — усмехаюсь я.

Оля усмехается в ответ, но я вижу, что за этой улыбкой скрывается беспокойство.

— А что, может, мне тоже за вторым пойти? — вдруг заявляет она, сложив руки на груди. — Какие наши годы, а? Ты-то уже разродилась на второй круг, так почему мне не рискнуть?

Я фыркаю, качая головой.

— Ну да, давай, поддержи меня в этом безумии, чтоб вместе мучиться.

Оля закатывает глаза.

— Так и знала, что ты меня не поддержишь. Вот найду себе кого-нибудь с красивыми генами и рожу, назло тебе.

Мы обе смеёмся, но за этой лёгкостью я вижу, как её взгляд меняется, становится мягче.

— А если серьёзно… — Оля смотрит на меня долгим взглядом. — Вика, ну ты вообще в своём уме? Прилететь на таком сроке! Ты же не девочка уже, у тебя перелёты должны быть под запретом!

— Ещё не запретили, — улыбаюсь я.

— Ну, а если бы запретили? Ты вообще думала об этом?

Я вздыхаю, трогаю свой живот.

— Думала, Оль. Но мне нужно было приехать. Тут… проблемы, и ты не можешь ими заниматься.

— Проблемы, проблемы, проблемы… — бурчит Оля, качая головой. — А ты, мать будущего ребёнка, вообще как?

Я молчу.

— Ты счастлива?

Я смотрю в окно.

— Очень. – Кладу руку на живот.

Она кивает.

— Хороший ответ.

Мы молчим, и вдруг она резко меняется в лице, щурится и смотрит прямо в глаза.

— А он знает?

Я замираю, встречаюсь с её взглядом.

И медленно качаю головой. Отрицательно.

Глава 2. Вика.

Вика.

Полгода. Полгода я была вдали от всего, что связывало меня с этим местом. Полгода пыталась забыть. Но оказалось, что у прошлого долгая память, и оно умеет ждать.

Я выдыхаю, отворачиваюсь от окна и иду собираться. Сегодня нужно решить всё с ателье.

Когда машина подвозит меня к зданию, я ещё не знаю, что меня ждёт.

Я захожу внутрь, и сотрудники, увидев меня, явно удивлены. Кто-то переглядывается, кто-то улыбается, кто-то отводит взгляд — видимо, новости о моём приезде не дошли до всех.

— Виктория Андреевна? — несётся навстречу Лена, моя ведущая портная. — Вы… вы вернулись?

— Да, — киваю я.

— Как же хорошо, — выдыхает она. — У нас тут полный бардак, Оля из больницы только по телефону может помогать, а эти проверки…

— Я знаю, — киваю я. — Давай позже обсудим всё подробно.

Я прохожу в кабинет. Всё здесь кажется таким знакомым — воздух пахнет тканями, кофейными зёрнами, чем-то родным. Я прохожу ладонью по столу, сажусь в кресло и закрываю глаза на секунду.

Как же я соскучилась.

Потом я принимаюсь за дела. Просматриваю отчёты, бумаги, вникаю в ситуацию. Ателье пока держится, но давление на бизнес явно растёт. Я делаю пометки, разбираю документы, звоню Оле.

— Ну как там у вас? — спрашивает она.

— Мы разберёмся.

— Ты сейчас как мать Тереза звучишь, — хмыкает она. — Ладно, посмотрим, что скажешь через пару дней.

Мы разговариваем ещё немного, и я понимаю, что работать снова — даже приятно. Как будто я вернула себе что-то важное.

Когда заканчиваю с документами, замечаю время. Уже вечер. Пора ехать.

Я выхожу из ателье.

И чувствую его взгляд. Это чувство и ощущения ни с чем не спутать. Никогда

Я замираю.

Максим.

Он стоит у входа. Высокий, в тёмном костюме, с руками в карманах, с тем самым выражением лица, которое выдаёт слишком много эмоций под маской абсолютного контроля.

Наши взгляды встречаются.

Я даже не могу сделать шаг.

Шесть месяцев. Я не видела его шесть месяцев.

Максим медленно идёт ко мне.

Я чувствую, как внутри что-то сжимается.

Когда он оказывается рядом, его взгляд невольно скользит вниз — туда, где под пальто скрывается округлый живот.

Я вижу, как в его глазах вспыхивает осознание.

Но он ничего не говорит.

— Ты вернулась, — произносит он медленно, будто боится, что я исчезну, если скажет это слишком резко.

— Да, — отвечаю я.

— Почему?

— Проблемы с ателье.

— Вот так просто?

Я напрягаюсь.

— Это мой бизнес, Макс. Мне пришлось вернуться.

Он молчит. Глаза у него тёмные, слишком внимательные, слишком много в них вопросов, но он сдерживается.

— Ты собиралась мне сказать?

Я отвожу взгляд.

— Нет.

Он сжимает челюсти.

Тишина повисает между нами тяжёлая, давящая.

Но я не успеваю ничего добавить, потому что рядом раздаётся громкий голос:

— Виктория Андреевна! Можно пару вопросов?

Я вздрагиваю.

Разворачиваюсь и вижу журналистов.

Чёрт.

Я не была готова.

Они тут же окружают нас, подсовывая микрофоны.

— Виктория Андреевна, как вы относитесь к тому, что Максим Волков подался в политику?

— Почему вас так долго не было видно?

— Вы были за границей по личным причинам?

— Правда ли, что вы развелись?

Я чувствую, как Максим напрягается рядом.

Он больше не смотрит на меня.

Теперь он смотрит на журналистов.

И этого хватает, чтобы они осеклись.

— Без комментариев, — бросает он холодно.

Но они не унимаются.

— Виктория, но вы так и не ответили! Вы поддерживаете политические амбиции господина Волкова?

Я пытаюсь собраться.

— Я…

Но Максим берёт меня за локоть.

— Мы уходим, — говорит он спокойно, но в голосе звучит сталь.

И прежде чем я успеваю возразить, он ведёт меня к машине.

Он открывает дверь, помогает мне сесть, сам обходит машину и садится за руль.

Журналисты остаются сзади.

— Ты хочешь мне что-то сказать? — спрашиваю я тихо.

Он сжимает руль.

— Позже, — отвечает он.

И заводит машину.

Глава 3. Вика.

Вика.

— Куда мы едем? — мой голос звучит тише, чем хотелось бы, почти теряется в шуме мотора, но в нём всё же проскальзывает осторожность, дрожащая, как тонкая нить, готовая оборваться.

Я сжимаю пальцы на коленях, чтобы скрыть, как они дрожат, и чувствую, как ребёнок внутри меня шевелится — лёгкий толчок, будто он тоже ждёт ответа.

Максим не сразу отвечает.

Его руки уверенно лежат на руле, пальцы чуть сжимают кожу обивки, взгляд сосредоточен на дороге, а челюсть напряжена так, будто он скован собственными мыслями.

Я знаю этот взгляд — он всегда появлялся, когда он сдерживал бурю внутри, когда слова застревали у него в горле, как камни.

Он молчит, и тишина между нами становится густой, тяжёлой, почти осязаемой.

— Домой, — наконец коротко бросает он, не глядя на меня, голос низкий, хриплый, как будто говорит через силу.

Грудь сдавливает от этих пяти букв. Они врезаются в меня, как осколки стекла, острые, холодные, и я задыхаюсь.

Домой.

Но где теперь этот дом?

В ту квартиру, что досталась мне после развода, я так и не переехала. Она чужая, безликая, словно чистый холст, на котором нет нас — нет его запаха, нет Роминого смеха, нет тех вечеров, когда мы были вместе.

А в той квартире, куда я вернулась два дня назад из аэропорта, наоборот — слишком много прошлого: отголоски былого, пропитанные тёплыми воспоминаниями, которые теперь обжигают, как раскалённое железо, оставляя шрамы на сердце.

А теперь он везёт меня домой. Только где это? Там, где живёт он, в его мире, который я покинула? Или там, где должна быть я, с малышом?

Я смотрю на свои руки, лежащие на животе, и чувствую, как тепло от ощущений что моя любовь там, пробивается сквозь ткань пальто. Шесть месяцев. Мой секрет, моя сила, моя слабость. И я не готова к тому, была к такой быстрой встрече с его отцом. Не сейчас. Не так.

Машина мягко скользит по вечернему городу. Свет фар выхватывает из темноты силуэты людей, витрин, домов, отблески мелькают в окнах, расплываясь в нечёткие тени.

Улицы, залитые вспышками камер всего десять минут назад, исчезли позади, и теперь мы будто вдвоём — без шума, без чужих глаз, без того хаоса, что обрушился на нас у ателье.

Журналисты, их крики, вопросы — всё это тонет в прошлом, но я всё ещё чувствую их взгляды, как иглы, впивающиеся в кожу. А теперь только он и я, и эта тишина, что давит сильнее любых слов.

Я украдкой смотрю на Макса , и сердце сжимается так, что дышать больно.

Он изменился.

Вроде бы всего шесть месяцев, но они легли на него, как десять лет, вырезали из него большую часть того Максима, которого я знала. Скулы стали острее, черты лица заострились, под глазами залегли тени, глубокие, тёмные, которые даже приглушённый свет в салоне не скрывает. Виски, которые когда-то только тронуло серебро, теперь почти полностью поседели, выдавая усталость, тяжесть, что он носит внутри. Он похудел — не так, как от тренировок, не так, как от контроля за телом. Нет. Это другая худоба — загнанная, нервная, та, что приходит от бессонных ночей, от перегруженного сознания, от пустоты, что выжигает изнутри.

Он кажется ещё жёстче, чем прежде. Его подбородок покрыт слегка небрежной щетиной — не той ухоженной, что он любил поддерживать, а дикой, колючей, как будто он забыл о себе.

И я ловлю себя на том, что вспоминаю… Как раньше могла провести по нему ладонью, ощутить шершавую теплоту кожи, как он перехватывал мою руку, целовал пальцы, когда ему не хватало слов.

Эти воспоминания врываются в меня, как ветер в открытую дверь, и я задыхаюсь от них, от этой боли, что вспыхивает в груди, горячей, невыносимой.

Теперь же я не знаю, о чём он думает. Но я знаю, что он хочет разговора.

А я не хочу. Не могу. Не сейчас, когда внутри меня всё кричит от волнения и неопределенности.

Всё это — ловушка. Пресса, его внезапное появление, теперь это. Он снова тащит меня в прошлое, в тот водоворот, из которого я вырвалась шесть месяцев назад, улетев из Москвы, чтобы спасти себя.

Я отворачиваюсь к окну, прижимаю ладонь к стеклу, холод пробирается в пальцы, но мысли продолжают крутиться, лихорадочно сталкиваясь друг с другом.

Почему он появился сегодня? Как узнал, что я вернулась?

Он всегда умел добывать информацию, но… зачем?

Что с ним было после нашего развода?

Где эта змея? Она исчезла из моей жизни, словно страшный сон, но… куда? Исчезла ли полностью? Максим не говорит о ней.

Как он вообще жил все эти месяцы?

И, наконец… Зачем, чёрт возьми, он полез в политику?

Максим Волков — человек, который всегда держался в тени, которому нужна власть, но не публичность. Теперь он — под прицелом камер, под чужими взглядами, под пристальным вниманием журналистов.

Почему?

Я чувствую, как от всех этих вопросов начинает болеть голова, как боль стучит в висках, отдаётся в затылке, и ребёнок внутри снова толкается, будто чувствует моё смятение.

Успокойся, зайка. Все будет хорошо

Но я не спрашиваю Макса ни о чем. Не хочу слышать его голос. Я его из своей головы гнала всеми способами!

Машина замедляется, плавно останавливается.

Я не двигаюсь.

Максим выходит первым, обходит машину, открывает мне дверь.

Молчит. Ждет.

Я не смотрю на него.

Не могу.

Я делаю вдох, но… когда ноги касаются земли…Каблук подворачивается. Ту же ногу, что я подвернула в Китае.

Глупо. Абсурдно. Будто кто-то сверху решил издеваться.

Я теряю равновесие, корпус резко подаётся вперёд, и в голове вспыхивает единственная мысль — чёрт, только не это!

Я беременна, мне нельзя падать, нельзя, нельзя!

Рефлекторно тянусь за дверцу, но не успеваю ухватиться, пальцы скользят по металлу.

Его руки ловят меня. Крепко. Уверенно.

Грудь прижимается к его груди, дыхание замирает, и на несколько секунд время останавливается.

Тепло его тела пробирается сквозь распахнутые полы пальто, его сильные руки держат меня так, будто я всё ещё принадлежу ему.

Я чувствую его запах — знакомый, родной, с лёгким оттенком свежести и терпкости, запах, который я знала двадцать лет, который остался в моих снах, даже когда я бежала от него.

Слишком близко.

Слишком… по-настоящему.

Он не спешит отпускать, и я чувствую, как бешено колотится моё сердце, как ребёнок внутри замирает, будто тоже ощущает эту близость.

— Осторожнее, — его голос низкий, чуть охрипший, и в нём звучит что-то, чего я не хочу слышать.

Он говорит это так, будто ему не всё равно.

Я быстро моргаю, приходя в себя, пытаюсь вырваться из этого тепла, из этой ловушки его рук.

— Отпусти, — мой голос звучит не так твёрдо, как хотелось бы, дрожит, выдаёт меня.

На секунду он замирает, и я чувствую, как его пальцы чуть сжимают мои плечи, будто он не хочет отпускать.

Но затем он отпускает.

Я резко выпрямляюсь, отстраняюсь, делаю шажок в сторону …

И тут же резкая боль вспыхивает в подвернутой ноге — пронзает от лодыжки до колена, острая, горячая, как будто кость трещит под кожей.

Я сжимаю губы, чтобы не вскрикнуть, но невольно хватаюсь за дверцу машины, дыхание сбивается, лицо искажается.

Нога пульсирует, боль отдаётся в спину, и я понимаю — она не просто подвернулась, она снова вывихнута, как тогда.

Черт, черт…

Максим не двигается, но я вижу, как его взгляд темнеет, брови сдвигаются, он замечает мою хромоту, видит, как я цепляюсь за машину, как стараюсь не показать слабость.

— В больницу поехали, — говорит он, голос твёрдый, но с ноткой тревоги.

Я качаю головой, сжимаю зубы.

— Нет, — выдавливаю я. — Не надо.

Он смотрит на меня, глаза сужаются, и вдруг шагает ближе, хватает меня за локоть.

— Садись, — говорит он, не слушая возражений.

Я пытаюсь вырваться, но он сильнее, без разрешения подхватывает меня, почти заталкивает в машину. Я падаю на сиденье, боль в ноге вспыхивает ярче.

— Максим, я сказала, нет! — кричу я, но он уже захлопывает дверь, садится за руль, заводит мотор.

— Ты что, как маленькая? — бросает он, резко, с раздражением. — Повредила ногу — значит, нужно к врачу. Гордость свою засунь поглубже, Вика.

Я задыхаюсь от гнева, от боли, от его слов, хочу сбежать, но не могу. Он снова решает за меня.

Глава 4. Вика.

Вика.

Я задыхаюсь от гнева, боли и этого проклятого чувства беспомощности, что сжимает горло. Нога пульсирует тупой, ноющей болью, отдаёт в лодыжку, и я проклинаю свою неуклюжесть.

Бросаю взгляд на Максима. Он молчит, только крепче сжимает руль, взгляд устремлён вперёд, но я знаю — он чувствует мой протест, мою злость, что кипит внутри, как раскалённая лава.

Я не хочу в больницу, я отлежусь дома или вызову врача сама. Не хочу его помощи. Не хочу, чтобы он снова влезал в мою жизнь, как будто имеет на это право. Но он не слушает. Никогда не слушал, когда решал, что знает лучше.

Мы подъезжаем к частной клинике, яркий свет вывески режет глаза, и я понимаю — он не шутит. Максим выходит, обходит машину, открывает мою дверь, и я пытаюсь встать сама, опираясь на дверцу. Боль пронзает ногу, как нож; я шиплю сквозь зубы, но он уже тут, его руки подхватывают меня под локти.

— Пусти, я сама, — цежу я, пытаясь вырваться, но он только крепче сжимает хватку, и в следующую секунду я уже у него на руках, прижатая к его груди, словно мне снова двадцать, а не к сорока.

— Максим, поставь меня! — почти кричу я, бью кулаком по его плечу, но он не реагирует, шагает к входу, лицо каменное, глаза тёмные от тревоги.

В приёмном покое больницы пахнет антисептиком и кофе из автомата — этот запах до боли знаком, навязчивый, как воспоминания, от которых невозможно спрятаться. Он въедается в кожу, оседает на языке, будто напоминая: ты здесь, ты снова в этом белом коридоре, полном ожидания, тревоги и чего-то недосказанного. Одни флешбеки…

Максим несёт меня через холл, не обращая внимания на мой протест, и я сдаюсь, просто закрываю глаза, чтобы не видеть любопытных взглядов медсестёр. Он кладёт меня на кушетку в кабинете, врач — пожилой мужчина с круглым усталым лицом и тёмными кругами под глазами — уже ждёт, будто его вызвали заранее.

Максим отходит к стене, сложив руки на груди, нависает надо мной, как скала, молча, не сводя с меня взгляда. Его молчание давит. Его молчание — хуже любых слов. Оно говорит всё, что он не произнёс. Оно осуждает, обвиняет, и я ощущаю его взгляд, будто он прожигает кожу.

Напряжённо сжав пальцы в кулаки, я чувствую, как они уже побелели от эмоций, что захлестывают. Нога пульсирует тупой, ноющей болью, будто внутри кто-то методично нажимает на невидимый синяк. Боль упрямо тянется вверх, отдаёт в лодыжку, в колено.

Внутри меня закипает глухая ярость — на собственную глупость, на каблуки, на это грёбаное возвращение, на всё, что с ним связано… и особенно на него.

— Ну скажи хоть что-нибудь, — хочется закричать. но я шепчу. — Обругай, посмейся, упрекни, но не молчи так.

Врач вновь появляется из-за перегородки, подходит ближе, осторожно осматривает мою ногу, пальцы мягко сжимают лодыжку, и я морщусь, боль вспыхивает ярче. Он хмурится, проводит рукой вдоль связок, проверяет подвижность

— Серьёзного повреждения нет, — произносит он, откашлявшись. — Но связки растянуты. Вам нужен покой, минимум три дня без нагрузки. Постельный режим.

Я моргаю. Несколько секунд просто смотрю на него, не понимая смысла слов.

— Что? — голос звучит тише, чем я рассчитывала.

— Никакой ходьбы. Максимум — до ванной и обратно. Вам нельзя напрягать ногу, иначе можно усугубить травму.

Никакой ходьбы.

Покой.

Постельный режим.

Это звучит, как приговор. Учитывая, как я ненавижу быть зависимой от кого-то, особенно от НЕГО.

Я уже собираюсь резко возразить, что всё это не обязательно, что у меня впереди куча дел, что я справлюсь, что я не беспомощная… Но врач вдруг бросает на меня внимательный взгляд, а затем переводит глаза на Макса. И я вижу, как на его лице появляется почти дружелюбное выражение.

— Это ваш муж?

Мой мозг делает сальто назад. Я собираюсь закричать “НЕТ”, но не успеваю, потому что ОН — этот человек, который умеет только рушить с ледяным спокойствием — произносит:

— Да.

Коротко. Ровно. Уверенно.

Как будто так и есть. Как будто он имеет право на это “да”. Как будто развод в прошлом и эти шесть месяцев порознь не случались никогда.

Я резко поворачиваю к нему голову, поражённо уставившись на него:

— Что?..

Но он даже не смотрит на меня. Его взгляд направлен куда-то мимо, он совершенно спокоен. Спокойствие этого человека — это отдельная форма пытки.

Врач кивает, совершенно не заметив, как мне перехватило дыхание.

— Отлично. Тогда пусть он и присмотрит за вами. Вам нельзя оставаться одной. Не рискуйте, особенно в вашем положении.

Я открываю рот, чтобы объяснить, что он не муж, что у нас развод, что он больше не имеет ко мне никакого отношения, но губы не слушаются. Слова застревают в горле, обида подступает к горлу, как крик, который не можешь выплеснуть.

— Я справлюсь сама, — выдавливаю я сквозь зубы. — Мне не нужен никто. Ни… он, ни кто-либо другой.

Врач лишь мягко улыбается, как улыбаются детям, когда те упрямятся, и продолжает заполнять карту, явно не принимая мои слова всерьёз.

Я поворачиваюсь к Максиму. Смотрю на него, как на врага, но он всё ещё спокоен. Стоит, будто ничего особенного не произошло. Будто это — его место. Его роль. Его право.

И вот тогда, именно в этот момент, я понимаю:

Он снова начинает выбирать за меня.

Он снова решает за всех.

И если я не остановлю его сейчас…

Он сделает это ещё раз.

И снова. И снова…

Глава 5. Вика.

Вика.

— Почему ты так сказал? — спрашиваю я тихо на обратном пути, голос дрожит от накопившейся злости и обиды, что разъедают меня изнутри. Каждое его действие — удар, каждое его слово — очередная трещина в моём сердце.

Максим не сразу отвечает. Несколько долгих секунд он молча ведёт машину, не отводя взгляда от дороги. Лицо его напряжено, скулы подёргиваются, и я чувствую, что он взвешивает каждое слово.

— Потому что так проще, — говорит наконец. Совершенно ровно, без эмоций, но я ощущаю в интонациях едва уловимую насмешку, горькую, раздражающую до зубовного скрежета.

Я резко выдыхаю сквозь сжатые зубы, не в силах сдержать нарастающий гнев:

— Ты не можешь просто решать за меня, что говорить другим людям!

Он коротко усмехается, бросая на меня тяжёлый взгляд.

— Разве? — переспрашивает холодно. — Разве ты не сделала то же самое, когда не сказала мне?

Его слова ударяют по мне, как хлёсткая пощёчина. Я резко отворачиваюсь к окну, чувствуя, как внутри всё холодеет, как сердце пропускает удар. Слёзы подступают к глазам, но я не дам им вырваться. Не сейчас, не перед ним.

Машина замедляется, и вскоре останавливается у знакомого подъезда. Моё сердце стучит так громко, что я слышу каждый удар в ушах. Я нервно облизываю губы, чувствуя сухость во рту, и резко поворачиваюсь к нему:

— Максим… — в моём голосе звучит тревога, смешанная с отчаянием.

— Вика, хватит. — Тут же перебивает меня твердым голосом, не оставляя пространства для возражений.

Я стискиваю зубы, проглатывая все едкие слова и эмоции, которые так и рвутся наружу. Я просто хочу поскорее забраться в свою постель, укрыться одеялом и забыть этот день, как страшный сон.

Я хватаюсь за дверцу, пытаюсь выйти сама, но резкая боль в ноге снова заставляет меня замереть, подавляя гордость и раздражение.

Максим уже рядом. Он протягивает руку, я зло отдёргиваю свою ладонь:

— Не трогай меня, — бросаю резко.

Но он не слушает. Просто молча, не обращая внимания на мои протесты, вновь берёт меня на руки и несёт к подъезду. Я кусаю губы от унижения, злости, боли, но ничего не говорю. Сопротивляться сейчас бесполезно.

С трудом достаю ключи, открываю дверь, надеясь, что он оставит меня одну, но Максим заходит следом. Я оборачиваюсь к нему и гнев вспыхивает с новой силой.

— Макс, уходи!

Но он молчит. Спокойно закрывает за собой дверь, вешает пальто на крючок и, не обращая внимания на мою злость, подходит ближе.

— Ты в своём уме?! — взрываюсь, голос дрожит от гнева.

Он качает головой, глаза его мрачные, глубокие, будто он видит насквозь мою злость и обиду, но не собирается уходить:

— Ты не можешь сейчас быть одна, ходить и себя обслуживать.

Твердолобый какой и непробиваемый!

Я дёргаюсь в сторону, пытаясь пройти мимо, но Максим ловит меня за локоть и осторожно ведёт к дивану. Я вырываюсь, но он не отпускает, и только когда я сажусь, наконец отступает на шаг назад, но не отводит взгляда.

— Теперь-то мы поговорим, — говорит он тихо, твёрдо, и от этих слов по коже пробегает холодок.

— О чём? — резко бросаю, хотя уже знаю ответ.

Он делает шаг вперёд и медленно опускается на корточки прямо передо мной, чтобы наши взгляды были на одном уровне. Его глаза — тёмные, серьёзные, и в них больше боли, чем я готова видеть.

— О ребёнке, Вика, — произносит, едва слышно, но каждое слово как удар молотком по сердцу.

Я замираю, дыхание перехватывает, и несколько секунд я просто смотрю на него, пытаясь справиться с нахлынувшими эмоциями.

— Это не твоё дело, — выдавливаю наконец, выплескивая яд и гнев.

Максим резко поднимается, в глазах вспыхивает злость, его голос дрожит от ярости:

— Правда? Ты серьёзно думала, я не узнаю? Это мой ребёнок, Вика! Ты не думала, что я имею право знать?

Я срываюсь на крик, боль и обида взрываются во мне с новой силой:

— Право? Ты говоришь мне о праве? После всего, что ты сделал?! После Алисы, после того, как ты сам разрушил всё, что у нас было? А Ромка? Ты о нашем сыне подумал? Ты вообще о нем думал, когда трахал его невесту? И после всего ты считаешь я должна была бежать к тебе с этой новостью?

Он резко шагает по комнате, руки его дрожат, он оборачивается ко мне, и голос его звучит как рёв:

— Ты ничего не знаешь, Вика! Ты исчезла, пропала, не дала мне ни шанса всё исправить! И даже поговорить! Я жил в аду, думая, что потерял тебя навсегда, а ты скрыла от меня сына или дочь! Ты не имела права так поступать!

— Ты сам меня потерял, Максим! — кричу я, слёзы текут по щекам, их уже невозможно остановить. — Это ты всё разрушил, это ты меня предал! Я осталась одна и не хотела, чтобы ты знал! Ты не заслужил знать!

Он останавливается, смотрит на меня, и в его глазах такая боль, такая вина, что внутри что-то болезненно щёлкает.

— Я всегда выбирал тебя и нашу жизнь, Птичка, — отвечает с твердостью в голосе. — Это была ошибка. Ужасная ошибка, и я заплатил за неё высокую цену. Но ты… ты скрыла от меня ребёнка.

Я резко замолкаю, потому что вдруг замечаю: в квартире всё идеально чисто, будто… Даже кровать заправлена, а я ее не заправляла, мне видно с дивана часть спальни. Я понимаю, что не заглядывала в шкафы, не проверяла ничего. Кровь холодеет в жилах от осознания.

— Ты тут живёшь, — шепчу я потрясённо, и это открытие оглушает.

Он смотрит на меня твёрдо, достаёт из кармана ключи и говорит ровно, как факт:

— Живу, да.. И теперь я буду о тебе заботиться.

— Уходи! — требую я снова,только голос слабый, почти сломленный.

Он садится рядом, но не касается меня, только смотрит в глаза, твёрдо, уверенно, почти нежно:

— Вика, оставь истерики на будущее. Сегодня хватит. И хватит убегать.

Я отворачиваюсь, прикусывая губу, понимая, что он не уйдёт. Он снова здесь, и теперь убежать не получится.

Глава 6. Вика.

Вика.

На следующее утро я просыпаюсь от приглушённого, но отчётливо слышного голоса Макса, доносящегося из кухни. Поначалу мне кажется, что я всё ещё сплю, и это просто сон, но реальность возвращается слишком быстро, слишком резко.

Вечером я все же перекочевала в спальню. Закрыла плотно дверь, не желая дальше вести разговоры. У меня не было для этого сил.

Я открываю глаза, ощущая лёгкие и нежные толчки внутри живота, и невольно улыбаюсь, поглаживая его ладонью.

— Доброе утро, девочка моя, — шепчу я, обращаясь к малышке, и она словно в ответ толкается ещё раз, мягко и нежно. От этого внутри становится теплее, и я на мгновение забываю обо всём, кроме этой крошечной жизни внутри меня.

Запах свежего кофе и чего-то печёного наполняет комнату ароматом уюта и спокойствия, который никак не вяжется с моим внутренним состоянием. Я поворачиваю голову и вижу поднос на прикроватной тумбочке: кружка с горячим кофе, тарелка с золотистыми круассанами и свежие фрукты. Всё это выглядит настолько красиво и привычно, будто я проснулась в прошлом.

Сердце сжимается от волнения, ведь я не ожидала такого от Макса. Или, точнее, надеялась, что утром его здесь не окажется. Я надеялась, что он уедет на работу, что всё, случившееся вчера, растворится вместе с ночной темнотой. Но его голос, отчётливый и напряжённый, звучащий сейчас на кухне, рушит эту иллюзию.

Я вслушиваюсь, пытаясь разобрать, о чём он говорит. Голос Максима звучит раздражённо, резко, властно — таким я его помню в те моменты, когда он кого-то отчитывал.

— Я сказал, что не приеду. И похер, что там у вас происходит, ясно?

Ему отвечают что-то на громкой связи, но слов не разобрать. Он перебивает собеседника жёстко и категорично:

— Разбирайтесь сами. Я занят сегодня. Всё.

Голос обрывается, и наступает тишина, густая и вязкая, словно впитавшая в себя весь мой внутренний хаос.

Я осторожно сажусь на кровати, проверяя боль в ноге. Лодыжка слегка ноет, но боль значительно стихла. Делаю глубокий вдох, собираясь с мыслями, и взгляд цепляется за прикроватную тумбочку и этот нелепо уютный завтрак, приготовленный им. Почему он это сделал? Зачем ему быть здесь?

Мне становится не по себе от мыслей, которые начинают путаться в голове. Чтобы отвлечься, я решаю убедиться в своих вчерашних подозрениях. Поднимаюсь, осторожно ступая на ногу, и медленно подхожу к шкафу. Открываю дверцу и замираю.

На меня смотрят идеально выглаженные рубашки, костюмы и пиджаки Макса. Всё аккуратно висит, пропитано его запахом, таким знакомым и родным, что комок мгновенно подкатывает к горлу.

Сердце начинает стучать быстрее, ладонь непроизвольно сжимает край дверцы шкафа, и я понимаю, что не смогу притворяться, будто ничего не произошло. Он жил здесь всё это время. Шесть месяцев, среди наших общих воспоминаний, и не вернулся ни в дом, ни в новую квартиру. Почему?

Я не чувствовала его любви последний месяц нашего брака точно. Он был холодным и отстраненным, грубым порой и очень категоричным. Может быть именно тогда он уже не смотрел на меня как на любимую и единственную.

Я медленно закрываю шкаф и иду в ванную. Там ситуация повторяется: его вещи — бритва, одеколон, зубная щётка — всё на своих местах, как раньше. Мои руки дрожат, когда я закрываю шкафчик, не в силах понять его мотивы. В груди разливается тягучая, давящая боль от того, что он снова в моей жизни — вот так, внезапно, без предупреждения, и я не знаю, как с этим справиться.

Вернувшись в комнату, я сажусь обратно на кровать, пытаясь успокоить дыхание и мысли. Кофе и выпечка по-прежнему притягивают меня своим ароматом, и чувство голода заставляет наконец взять в руки кружку с кофе и сделать небольшой глоток. Напиток приятен на вкус, терпкий, с лёгкой горчинкой — именно таким Макс всегда его и готовил.

Я беру круассан и осторожно откусываю кусочек, пытаясь убедить себя, что это просто завтрак, просто забота, просто… нечто, не значащее ровным счётом ничего. Но сердце уже знает правду, даже если разум отказывается её признавать.

Я снова слышу шаги по квартире и голос Макса, теперь уже гораздо спокойнее, но всё равно напряжённо. Он продолжает говорить по телефону, и я вдруг ясно понимаю, что никуда он сегодня не собирается. Он остаётся здесь, со мной, решив контролировать всё до конца.

От этой мысли снова становится тесно в груди. Я не готова к его постоянному присутствию, не готова снова видеть его каждый день, ощущать его заботу и власть одновременно. Но сейчас, сидя здесь с этим завтраком, который он оставил специально для меня, я понимаю, что избежать столкновения не получится.

Делаю ещё один глоток кофе, пытаясь прогнать тревогу, и мысленно успокаиваю дочь, чувствуя её мягкие, успокаивающие толчки.

— Всё хорошо, малышка, — шепчу я тихо, словно уверяя себя саму. — Мама справится. Мы обе справимся.

Глава 7. Вика.

Вика.

Я заканчиваю завтрак в полной тишине, прислушиваясь к звукам, которые доносятся с кухни. Максим закончил свой раздражённый разговор, но никуда не ушёл, и мне остаётся только ждать. Я прекрасно понимаю, что разговор неизбежен. Он не просто так остался дома и явно ждёт момента, чтобы продолжить вчерашнюю тему.

Дверь спальни чуть приоткрывается, и моё сердце на мгновение сбивается с ритма. Максим медленно входит в комнату и останавливается у порога, словно неуверенный, стоит ли ему заходить дальше. Его взгляд задерживается на мне, на подносе с остатками завтрака, затем медленно опускается на мой округлившийся живот. Я непроизвольно прикрываю его ладонью, словно пытаясь защитить от этого взгляда, который я не могу до конца прочитать.

— Как нога? — спрашивает он негромко, делая осторожный шаг ближе. Голос звучит тихо, сдержанно, без вчерашнего резкого напора.

— Лучше, — отвечаю я так же тихо, чувствуя напряжение, повисшее между нами.

Максим садится на край кровати, сохраняя небольшую дистанцию, и опускает взгляд на мои руки, всё ещё лежащие на животе. Я вижу, как он слегка сжимает пальцы в кулаки, будто сдерживая себя от желания прикоснуться.

— Ты знаешь, кто будет? — вдруг спрашивает он, голос его звучит мягко и осторожно, почти неузнаваемо.

Я поднимаю глаза, встречаясь с его взглядом. В груди странно сжимается от этих слов. Он спрашивает так, словно мы всё ещё та семья, которая когда-то ждала первенца.

— Девочка, — говорю тихо, не в силах сдержать нежности, которая наполняет меня изнутри при упоминании о дочери.

Глаза Макса слегка расширяются, в них появляется удивление и что-то ещё, похожее на трепетную нежность.

— Девочка… — повторяет он, словно пробуя слово на вкус, и я замечаю, как его губы слегка приподнимаются в едва заметной улыбке. — Ты сразу узнала?

Я молчу несколько секунд, собираясь с мыслями. Эти воспоминания такие личные, такие дорогие сердцу, и делиться ими с ним сейчас кажется неправильно, но я всё же говорю:

— Через пару месяцев после отъезда, ещё в Англии, я пошла на плановый осмотр. Сначала врач не смог ничего увидеть, но потом она повернулась так, что не осталось никаких сомнений. И врач сказала: «Поздравляю, у вас будет дочь». Я тогда долго не могла поверить. Даже несколько раз переспросила.

Я улыбаюсь, вспоминая, как плакала от счастья в тот день, когда впервые услышала эти слова. Как гладила живот, представляя маленькую девочку, похожую на меня, может быть, с его глазами…

Максим молчит, внимательно слушая, и в его взгляде я вижу тоску, грусть и сожаление — чувства, которых не ожидала увидеть снова.

— Ты счастлива, что у нас будет дочь? — его голос звучит очень тихо, осторожно, будто он боится услышать ответ.

Я киваю медленно, не в силах солгать:

— Да, очень. Я так о ней мечтала тогда, ты же…

Осекаюсь на полуслове. Помнит, наверное, но… всё в прошлом. Как и МЫ в целом. Есть отдельные сейчас Я и Макс. Вместе после всего нам уже не быть. Память не стереть, разбитую чашу не склеить и, что там ещё из громких эпитетов… «Дважды в одну реку». Это всё про нас. Как бы сильны чувства ни были и каким бы канатом жизнь нас ни связывала. Простить измену я никогда не смогу.

И всё же моё сердце предательски замирает, стоит ему приблизиться чуть ближе, чем положено. И я ненавижу себя за эту слабость. Ведь головой понимаю — с нами всё кончено. Но сердцу плевать на разум, оно живёт воспоминаниями, которые я так отчаянно пытаюсь стереть.

Он делает глубокий вдох, явно желая сказать что-то ещё, но внезапный звонок моего телефона прерывает его. Я машинально беру трубку, вижу имя Наташи, нашей старшей швеи, и сердце тревожно ёкает в груди.

— Наташ, что-то случилось? — спрашиваю я, уже чувствуя неприятности.

— Вика, тут беда, — начинает она сбивчиво, её голос взволнован и напряжён. — Привезли ткань, которую мы заказывали. Она вся испорчена — местами брак, пятна какие-то. Партия огромная, мы ждали её столько месяцев, клиент будет в бешенстве. Что делать?

Я закрываю глаза, чувствуя, как голова начинает болеть от навалившихся проблем. Ткань эта не просто дорогая, она эксклюзивная, её нельзя просто так заменить.

— Наташ, я сейчас что-нибудь придумаю, — отвечаю я, стараясь звучать спокойно, хотя внутри всё холодеет. — Пока ничего не режьте, отложите в сторону. Я перезвоню через несколько минут.

Когда я отключаюсь, Максим смотрит на меня внимательно и серьёзно, и я уже знаю, что он всё слышал.

— Что за проблема? — спрашивает он деловым, привычным для себя тоном.

— Испорченная ткань, большая партия. Очень важный заказчик, — отвечаю я неохотно, понимая, что он сейчас снова вмешается. — Мне нужно разобраться.

Макс поднимается, резко расправляя плечи, мгновенно превращаясь из внимательного слушателя в решительного человека, готового действовать.

— Ты никуда не поедешь. Я сам решу эту проблему.

— Максим… — начинаю я возражать, пытаясь подняться с кровати, но он тут же мягко, но настойчиво удерживает меня за плечо.

— Вика, посмотри на себя, — говорит он твёрдо, но без грубости. — Ты вчера повредила ногу, врач прописал тебе постельный режим. Ты беременна, и тебе сейчас нельзя волноваться и бегать по ателье. Я поеду сам.

— Это моё ателье, — возражаю я упрямо, не желая сдаваться так легко. — Я должна разобраться сама.

— Я знаю, — говорит он спокойнее, но его взгляд не терпит возражений. — Но ты сейчас не в том состоянии, чтобы разбираться с такими вопросами. Ты нужна нашей дочери здоровой и спокойной. Доверь это мне.

Я молчу, кусая губу от раздражения и бессилия, но его аргументы звучат слишком логично, и я понимаю, что он прав. От одной мысли, что придётся снова спорить и нервничать, у меня начинает кружиться голова.

— Хорошо, — наконец тихо сдаюсь я. — Но держи меня в курсе, ладно?

Он кивает, и в его взгляде мелькает благодарность.

— Конечно.

Максим быстро надевает пиджак, берёт ключи от машины и, бросив на меня последний взгляд, выходит из комнаты.

Я остаюсь одна, прислушиваясь к шагам в коридоре, хлопку входной двери, и сердце снова начинает болезненно стучать. Слишком быстро он вернулся в мою жизнь. Слишком легко он снова стал частью моей реальности.

Я закрываю глаза, поглаживая живот, чувствуя, как успокаивающе толкается малышка внутри.

— Всё будет хорошо, девочка моя, — шепчу я тихо, словно убеждая себя. — Мы справимся. Просто… нужно ещё немного времени.

Но я уже не уверена, кого я пытаюсь убедить больше — её или себя.

Немного слов от автора:

Девочки мои, привет!

Я продолжила эту книгу в первую очередь потому, что **обожаю своих героев**. Честно. И Вика, и Максим — **они мне безумно импонируют**, они живые, настоящие, неидеальные, упрямые, но с огнём внутри. Ну посмотрите на них — разве можно остановиться на полпути?

И да, **сразу предупреждаю**: повествование будет таким, каким я его чувствую — **плавным, с глубокими мыслями, с внутренними монологами**. Ну вот такие они у меня! Молниеносные страсти — не их стиль. Они идут шаг за шагом. Иногда ломая, иногда спасая друг друга.

Да, они **любят**. Пусть не всегда понимают это, пусть не всегда умеют сказать. Но **любовь между ними есть**, и мне хочется **показать их путь друг к другу**.

И логика проста: Вика беременна, и никаких «других мужчин рядом» в этой истории не будет. Это история

о них двоих

. О сложности, боли, прощении и попытке снова быть вместе. Да, им будет нелегко. Обоим.

Если вам интересно **наблюдать за этим путём**, — **добро пожаловать в продолжение.**

А ещё… Не пишите мне, пожалуйста, про «клише» или «у кого-то уже было». Потому что, ну правда: **велосипед изобрели до нас**. Я не могу прочитать все книги на свете, и если мой сюжет перекликается с чьим-то — я его **точно не украла**. Он мой. **Придуманный, прочувствованный, пережитый.**

Спасибо, что вы со мной. Спасибо, что читаете. Обнимаю каждого, **Ваша Анна Гранина**

Глава 8. Вика.

Вика.

Когда хлопает входная дверь, я резко выдыхаю, закрываю глаза и наконец позволяю себе расслабиться, медленно погружаясь спиной в подушки дивана. Дом наполняется непривычной тишиной, но тревога, поселившаяся в груди, никак не хочет уходить.

Я не уверена, правильно ли сделала, позволив Максиму снова так легко войти в мою жизнь, но сейчас мне просто не хватает сил сопротивляться его уверенности и решительности. Он сказал, что поехал в ателье разбираться с поставщиком и решать проблему с тканью. Не спрашивал моего мнения, просто сообщил, словно это решённое дело.

И хуже всего, что внутри меня вспыхнуло предательское чувство облегчения. Возможно, это слабость или усталость, а может быть, моя дочь уже сейчас начинает смягчать моё сердце, которое я старательно защищала все эти месяцы.

Я осторожно глажу живот, чувствуя нежные толчки внутри. Моя малышка будто понимает моё волнение и старается меня успокоить. Я улыбаюсь, шепча тихо:

— Всё хорошо, девочка моя, мы справимся, правда?

Но слова звучат неуверенно даже для меня самой. Как мне справиться, когда всё вокруг стремительно рушится, и Максим снова начинает занимать в моей жизни место, которое я тщательно пыталась освободить?

С кухни доносится тихий звук капель воды из крана, и я, вспомнив, что так и не закончила завтрак, медленно встаю с дивана и направляюсь туда, прихрамывая и осторожно переступая на больную ногу. Мне нужно хоть чем-то занять себя, чтобы не сойти с ума от собственных мыслей.

Я останавливаюсь в дверях кухни, замечая чашку с недопитым кофе Максима и раскрытый ежедневник на столе. Видимо, он забыл его, когда спешил уйти. Почерк его ровный, строгий, с резкими линиями, напоминает его самого — уверенного и не терпящего возражений.

Я невольно замечаю собственное имя среди записей. «Позвонить в клинику, уточнить условия родов. Заказать детскую мебель в спальню».

Сердце болезненно сжимается, и я резко захлопываю ежедневник. В груди вспыхивает раздражение, смешанное с обидой и благодарностью. Кто просил его заботиться обо мне и малышке? Он опять решает всё сам, не спрашивая, хочу ли я его помощи.

Я беру его чашку, выливаю остатки кофе в раковину, пытаясь выместить своё раздражение на чем-то безобидном. Мои мысли снова возвращаются к ателье. Что скажут сотрудники, увидев Максима там? Как отреагирует Оля, если узнает, что я снова позволила ему вмешаться в наши дела?

Но прежде чем я успеваю погрузиться ещё глубже в тревожные размышления, телефон снова звонит. На экране мигает имя Оли. Я нажимаю кнопку ответа и слышу её взволнованный голос:

— Вика, Наташа звонила, говорит, что Макс в ателье появился. Сказал, что решит проблему с тканью. Ты вообще в курсе?

Я тяжело вздыхаю, ощущая головную боль от ситуации, которая совершенно выходит из-под моего контроля.

— Да, Оль, в курсе, — отвечаю я устало, понимая, что сейчас начнётся новый виток допросов и переживаний. — Он просто решил помочь. Я сама не рада, но не смогла его остановить.

Оля ненадолго замолкает, а потом её голос становится мягче:

— Вика… Я не хочу лезть в ваши дела, но ты уверена, что так стоит? Ты ведь знаешь, что Макс не делает ничего просто так.

Я медленно сажусь на стул, поджимая под себя здоровую ногу, и закрываю глаза.

— Я знаю, Оля, — тихо отвечаю я, чувствуя, как сердце снова начинает колотиться быстрее. — Но я не знаю, что с этим делать. Сейчас я просто не справляюсь сама.

Оля вздыхает на том конце провода, но вдруг её голос становится подозрительно встревоженным:

— Погоди, а почему ты вообще сама не приехала в ателье? У тебя всё нормально?

Я кривлюсь, представляя, какая реакция последует сейчас.

— В общем, я вчера ногу подвернула. Теперь вот тоже малоподвижная, как ты. Видишь, какая из меня помощница?

— Ты серьёзно, Вика? — Оля почти кричит. — Ты беременна на седьмом месяце, ты ногу подвернула, и молчишь? Что вообще с тобой происходит, дорогая? Как так можно?

Я устало потираю висок, чувствуя себя школьницей на ковре у директора.

— Прости, я не хотела тебя волновать, — говорю виновато. — И без этого проблем хватает. А теперь вот — сижу дома, зависимая от помощи Максима. Совсем не то, чего я ожидала от возвращения.

Оля ворчит ещё минут пять, отчитывая меня, как маленькую девочку, но я лишь тихо улыбаюсь. Слова подруги немного успокаивают. Хотя бы кто-то на моей стороне, кто-то, кто не позволит мне окончательно сойти с ума.

— Ладно, — наконец вздыхает Оля, — береги себя, прошу тебя. И не стесняйся просить помощи, даже у Макса, раз уж он там. Только не позволяй ему слишком много, хорошо?

— Хорошо, — отвечаю я тихо, сама не зная, смогу ли выполнить это обещание.

Отключившись, я снова вздыхаю, опускаю телефон на стол, но он тут же снова начинает вибрировать, заставляя сердце замереть.

На экране появляется имя сына. Рома.

Я мгновенно замираю, чувствуя, как в груди сжимается что-то болезненно-тревожное. Он до сих пор думает, что я в Италии. Я не нашла в себе сил сказать ему, что вернулась в Москву, тем более о своей беременности. Он, возможно, простил Макса, начал с ним общаться… Но как он воспримет моё возвращение и новости о сестре?

Телефон продолжает звонить, а я просто смотрю на экран, не решаясь принять вызов. Сейчас мне кажется, что ещё один сложный разговор я просто не выдержу.

— Прости, сынок, — шепчу я, когда телефон наконец замолкает, оставляя после себя тяжёлую тишину.

Я знаю, что разговор неизбежен, но пока я просто не готова. Потому что боюсь, что правда причинит ему боль, а это последнее, чего я хочу сейчас.

Снова тихо толкается малышка внутри, словно пытается поддержать, и я осторожно глажу живот, словно прося прощения и у неё:

— Скоро всё наладится, девочка моя. Я обещаю.

Глава 9. Макс.

Макс.

Когда я хочу расслабиться и подумать — сам сажусь за руль. Сегодня водителя отпустил — не думал, что он мне понадобится.

Но… значит так было нужно.

Кровь всё ещё стучит в висках после того, как я покинул ателье. Всего одним звонком я раздавил поставщика, как мелкого таракана под ботинком.

— Завтра новая партия. Без брака. Или я закрою ваш бизнес к чёртовой матери, — бросил в трубку, не давая времени на отговорки.

На том конце — тишина и торопливое согласие. Страх — лучший аргумент в переговорах. Я повернулся к Наташе, старшей помощнице, и посмотрел прямо в глаза. Они расширяются от удивления, а руки нервно сжимают стопку бумаг. Она смотрит на меня, как на привидение. Мда, не ожидала, что я тут появлюсь.

— Теперь все вопросы решаете через меня, — произношу я ровно, но с такой силой, что спорить бессмысленно. — Вике больше не о чём волноваться. Передайте это Оле. И себе на ус мотайте. Понятно?

Наташа молча кивает, не смея возразить. Я не объясняю больше ничего. Не собираюсь.

Вика сейчас для меня, как хрустальная ваза, разбитая моими же руками. Я должен собрать её заново, даже если острые осколки врежутся мне в ладони. Пусть кричит, пусть ненавидит — я выдержу. Но не допущу, чтобы она снова переживала из-за чего-то, тем более поводу таких мелочей, как испорченная ткань или проверки.

Это мой долг. Мой крест.

Останавливаюсь на светофоре, стискиваю руль, вглядываясь в гудящую Москву. Шесть месяцев назад, когда Вика ушла, я думал, что справлюсь. Что заполню пустоту внутри бесконечными делами, встречами, контрактами. Ошибался.

Потом позвонил Ковалёв — старинный друг и партнёр, и сказал прямо:

— Максим, тебе предложили должность замминистра экономического развития. Направление — инвестиции и поддержка предпринимательства. Это твоё. Ты знаешь, как устроен бизнес изнутри. Соглашайся.

Я усмехнулся тогда, глядя на серую Москву за окном, и спросил:

— Зачем мне это?

Он ответил без пафоса:

— Потому что ты больше, чем просто олигарх. Потому что можешь помогать тем, кто не может себе помочь. Ты всегда знал, как. Только теперь делай это официально и с поддержкой государства, а не только из собственного кармана. Есть у меня несколько законопроектов.

И я согласился. После долгих раздумий в ставшем привычным одиночестве . Решил согласиться. Не ради престижа. А ради того, чтобы доказать — себе, не другим — что я всё ещё человек, а не только разрушитель. Чтобы хотя бы что-то, кроме денег, осталось после меня. Пока всё на стадии обсуждения, но я уже начал двигаться. Проверяю системы, людей, связи. Готовлюсь. Потихоньку.

Теперь я подписываю бумаги, давлю коррупционеров, продвигаю проекты молодых ребят из глубинки, которые напоминают мне молодого себя — дерзкого, голодного, с огнём в глазах.

Фонд, который я когда-то создал, стал частью государственной программы поддержки малого бизнеса и семей.

И, чёрт возьми, я хочу, чтобы Вика это знала. Чтобы Ромка знал. Чтобы они понимали: я — меняюсь.

Вспоминая о сыне, я невольно расслабляю плечи. С Ромой постепенно налаживается контакт. После месяцев молчания и едких сообщений, он начал отвечать, коротко, сдержанно, но уже без ненависти.

Беру телефон, набираю номер Сергея,своего начбеза, не отводя взгляда от дороги. В груди снова поднимается раздражение. Гудки звучат долго, слишком долго.

— Да, Максим Сергеевич? — наконец отвечает он.

— Через час в «Праге», — говорю я жёстко. — Нужно поговорить.

— Что-то случилось?

— Через час, — перебиваю я, сбрасывая вызов и отбрасывая телефон на соседнее сиденье.

Гнев снова вскипает во мне, как кипящая смола. Сергей знал. Шесть месяцев этот остолоп наблюдал за Викой, присылал мне фотографии её улыбок, её прогулок, её жизни в Англии и Италии, и ни слова не сказал о беременности. Я доверял ему как самому себе, а он умолчал.

Я не знал. Потому что сам запретил докладывать мне, если нет прямой угрозы. Сказал Сергею: «Не лезь. Никаких отчётов. Только если с ней что-то случится — немедленно сообщай». Хотел забыться. Дать ей свободу. Себе — тоже.

А теперь в ярости сжимаю руль, и внутри всё выворачивается. Она носит моего ребёнка. А я не знал.

***

Ресторан встречает приглушённым светом и запахом дорогого вина. Я прохожу к столику, Сергей уже ждёт меня, напряжённо сжимая папку с отчётами. Я не снимаю пиджак, сажусь напротив и смотрю прямо в его глаза.

— Почему ты не сказал? — спрашиваю глухо и резко.

Он сглатывает, нервно поправляя бумаги:

— О чём именно, Максим Сергеевич?

— О том, что Вика беременна! — резко говорю я, едва сдерживая себя, чтобы не сорваться окончательно. — Ты следил за ней полгода и не доложил мне, что она носит моего ребёнка? Ты что, решил, что это незначительная деталь?

Сергей бледнеет, руки начинают чуть заметно дрожать.

— Я не был уверен, фотографии были только лица… живот она скрывала под одеждой. Я не мог докладывать без полной уверенности…

— Ты должен был знать! — рявкаю я, ударяя кулаком по столу. Несколько голов в зале оборачиваются, я не обращаю внимания, склоняюсь к нему ближе. — Ты для того и нанят, чтобы знать всё! Теперь рассказывай. Полностью и подробно. Где она была, с кем, что делала?

Он торопливо открывает папку, сбивчиво начинает:

— Первые два месяца в Лондоне, жила недалеко от Романа, но виделась с ним редко. Он присматривал за ней со стороны, ничего необычного. Затем переехала во Флоренцию, в небольшую квартиру у моря. Жила одна, ни с кем близко не общалась…

Я слушаю, и каждый факт о её жизни режет меня, как тупой нож. Одна, в чужой стране, с моим ребёнком, а я не знал. Пока я сходил с ума от одиночества, она вынашивала нашу дочь, жила рядом с морем, может быть, плакала ночами, так же, как я выл от безысходности в пустой квартире.

— Почему молчал так долго? — спрашиваю, еле сдерживая рвущуюся наружу агрессию. А рвать готов.

Сергей отводит глаза.

— Я боялся, что вы сорвётесь после истории с Алисой…

— Не смей упоминать её имя! — отрезаю я. В груди снова вспыхивает ярость. — Ты подвёл меня, Сергей. Завтра утром полный отчёт. Если хоть одна деталь будет упущена, пожалеешь.

Бросаю на стол купюру, резко поднимаюсь, не дожидаясь ответа, и покидаю ресторан. Свежий воздух бьёт в лицо, но я не чувствую холода — внутри бушует огонь.

Я вижу перед собой её глаза — злые, обиженные, полные боли. Её живот, в котором живёт наша дочь. Она ненавидит меня, и я заслужил это сполна.

Но теперь она здесь, и я больше не отпущу её. Пусть прогоняет, пусть сопротивляется — я не уйду. Не сейчас. Когда на кону самое главное в моей жизни — Вика и наши дети. Семья.

Сажусь обратно в машину, резко хлопаю дверью и заводя мотор, обещаю самому себе:

— Свобода? Хрен тебе, Вика. Ты моя, и дочка — моя. Я всё разрушил однажды, но теперь костьми лягу — ты не уйдёшь. Пока жив — не отпущу.

Девочки, вчера не смогла выложить главу, ребенок приболел. Комментарии читаю - вы супер! Спасибо за интерес к истории. Бью себя по рукам чтобы не спойлернуть в ответах... Завтра зачтем продолжение.

Глава 10. Максим.

Максим.

Я снова за рулём, но домой не спешу. Нужно успокоиться, а внутри всё полыхает так, будто кто-то подлил бензина в огонь, который не гаснет уже полгода. Но эти два дня он полыхает еще хлеще…

Гляжу в окно, но не вижу ничего вокруг. Перед глазами только жена. Беременная, красивая, хрупкая и нежная, порой воинственная. Моя. И одновременно — совсем чужая. Пальцы стискивают руль, костяшки белеют, но я почти не чувствую боли — всё внутри горит, жжёт, как раскалённый металл. Кровь стучит в висках после ателье, после ресторана, после блеянья начбеза, который только что сбивчиво выложил мне её жизнь за последние шесть месяцев.

Не могу выкинуть из головы образ её округлившегося живота. Тот момент у ателье, когда впервые понимаю, что она носит моего ребёнка. Внутри что-то взрывается, вспыхивает огнём — болезненным и ярким. Шок, растерянность, ярость на себя, и чувство, которое не описать словами: первобытное, жадное, безумное.

Она носит моего ребёнка. Нашу дочь.

А я не знаю об этом.

Сколько ночей она проводит одна, глядя в потолок, мечтая или боясь, переживая эти моменты в одиночестве? Представляю её в маленькой квартире у моря во Флоренции — как она сидит у окна, гладит живот, шепчет что-то малышке. Она справляется без меня, без моей поддержки, без моих рук, которые должны держать её, защищать, чувствовать первые толчки нашей девочки.

Я пропускаю всё самое важное.

Когда она сказала мне, что у нас будет дочь, во мне что-то треснуло и сломалось окончательно.

Мы с Викой мечтали о втором ребёнке больше десяти лет. Я видел её слёзы, отчаяние после каждого отрицательного теста, после каждого похода к врачу. Она винила себя, а я винил себя за то, что не могу ей помочь. Когда наши отношения начали рушиться из-за этого, я запретил себе думать о детях. Просто запретил. Не хотел причинять ей ещё больше боли. У нас есть Ромка — вырос замечательный парень! А дочка… или второй сын… Значит, не судьба. Так я решил тогда, просто чтобы девочка моя перестала плакать.

А теперь, когда мы разведены, когда она смотрит на меня, как на чужого, я узнаю, что она носит мою дочь. Нашу девочку. Малышку, которую я даже не смею мечтать потрогать сейчас, почувствовать её движения, услышать, как бьётся её крошечное сердце. Я пропускаю столько моментов — всё пропускаю.

Не видел, как Вика узнала о беременности, не видел, как она плакала и улыбалась, обнимая себя руками, защищая новую жизнь. Не был с ней, когда она смотрела на экран УЗИ, впервые слыша стук маленького сердечка. Сергей только что в «Праге» выкладывал мне кусочки её жизни — Лондон, Флоренция, одиночество, — но этого мало.

Я должен был быть там. Должен был видеть её глаза, полные слёз и надежды, слышать её шёпот, когда она узнала, что ждёт девочку, прижиматься ухом к её животу и ощущать те первые, еле заметные толчки нашей малышки.

Но я ничего из этого не разделил с ней. Ни единой эмоции. Я слеп, глух, жесток.

Сжимаю руль сильнее, чувствуя, как боль в груди становится невыносимой. Я сам лишил себя этих моментов. Лишил Вику того, что должен быть рядом. А она всё сделала сама, справилась, выносила беременность, защитила нашу дочь. Она сильна там, где я слаб.

Вспоминаю её сегодня утром в квартире — как она сидит на диване, хромает, но держится, как её голос дрожит от гнева, когда она кричит, что я не заслужил знать. И она права. Я не заслуживаю. Но остановиться уже не могу. Не теперь, когда знаю.

Светофор мигает красным, останавливаюсь, глядя на пустую дорогу впереди. Москва засыпает, а я не нахожу покоя.

Сегодня я продавливаю поставщика одним звонком. Затем в «Праге» чуть не разбиваю Сергею лицо за его «Я не знал точно, она скрывала живот». Он должен знать! Я плачу ему, чтобы он знал всё. Теперь он принесёт полный отчёт завтра, но даже это не вернёт мне того, что я уже потерял.

Хочу вернуть время назад. Вернуться в тот самый миг, когда она впервые узнаёт, что беременна. Увидеть её лицо, слёзы, улыбку, когда она обнимает себя, шепчет что-то малышке. Быть с ней в кабинете врача, держать её руку, смотреть на экран УЗИ, слушать стук маленького сердца. Прижаться к её животу, почувствовать первые толчки, шептать нашей девочке, что я здесь, что никогда её не оставлю.

Но этого больше не будет. Пропущено безвозвратно.

Теперь перед глазами только её взгляд — уставший, полный боли, ярости и всё же нежности, когда она говорит о нашей дочери. Я сделаю всё, чтобы она снова мне поверила. Чтобы позволила быть рядом. Чтобы дала шанс почувствовать ту жизнь, что растёт внутри неё, услышать стук сердца, ощутить тепло её кожи и нашёптывать нашей малышке, что я больше их никогда не оставлю.

Светофор загорается зелёным, но я ещё несколько секунд сижу неподвижно. Руки дрожат, убираю их с руля, сжимаю в кулаки. Я не знаю, как исправить то, что натворил. Не знаю, как заслужить её прощение. Но теперь во мне живёт уверенность — я буду рядом, даже если придётся идти по острым осколкам собственного прошлого. Даже если Вика никогда меня не простит, я буду там — рядом с ней, рядом с нашей дочкой.

Завожу мотор, выезжаю на дорогу и направляюсь к ней. К Вике. К нашей квартире, где она сейчас, возможно, лежит на диване, гладит живот и что-то шепчет малышке.

Потому что теперь это не просто обещание самому себе.

Глава 11. Максим.

Максим.

Поднимаюсь в квартиру, в руках бумажные пакеты с едой из её любимого ресторана. Останавливаюсь перед дверью на несколько секунд, набираясь сил. Понятия не имею, как она меня встретит. Вернее, знаю — холодом и злостью. Но я готов терпеть и это, лишь бы быть рядом.

Открываю дверь, захожу, сразу чувствуя её присутствие — квартира словно дышит ею, её ароматом, её теплом. Сердце болезненно сжимается.

— Вика? — зову негромко, проходя на кухню.

— Я тут, — отвечает она тихо из гостиной. Голос звучит холодно, отстранённо, будто между нами огромная пропасть, которую я пока не знаю, как преодолеть.

Быстро раскладываю еду по тарелкам: паста из её любимого итальянского ресторана, немного фруктов и свежая выпечка. Завариваю чай с мятой и лимоном, который она всегда пьёт, когда нервничает. Глубоко вдыхаю, успокаиваясь, и возвращаюсь к ней.

Она сидит на диване, укрыв ноги пледом, глаза смотрят в окно. Ладонь мягко гладит живот, и я замираю на мгновение, заворожённый этим простым жестом. Сердце сжимается от болезненной нежности.

— Я привёз поесть, — говорю осторожно, приближаясь медленно, будто боюсь её напугать.

Она поворачивается ко мне, взгляд сразу становится жёстче, закрывается:

— Я не просила.

— Знаю, — отвечаю спокойно. — Но тебе сейчас нужно нормально питаться.

Она молчит, отвернувшись, демонстративно избегая моего взгляда. Когда пытается сама встать и тут же морщится от боли в ноге, не выдерживаю. Без лишних слов бережно беру её на руки.

— Максим! Что ты делаешь?! — возмущается она, пытаясь упереться руками в грудь, но я крепче прижимаю её к себе.

— Несу тебя к столу, — отвечаю спокойно. — Не упирайся, пожалуйста.

Она хмурится, пытаясь сопротивляться, но быстро сдаётся, отводя взгляд. Осторожно усаживаю её на стул на кухне, поправляю плед, удобно устраивая её ногу на пуфе.

— Спасибо, — тихо, нехотя произносит она.

— Не за что, — отвечаю я так же тихо. — Ешь, пока горячее.

Она медленно берёт вилку, начинает есть. Напряжение между нами кажется бесконечным, я аккуратно пробую нарушить тишину:

— С тканью я решил вопрос. Завтра привезут новую партию, всё будет в порядке.

Она недовольно поджимает губы:

— Спасибо, конечно, но я справилась бы сама.

— Я не сомневаюсь, — киваю спокойно. — Но тебе сейчас нельзя нервничать. Я не пытаюсь тебя контролировать, Вика, пойми. Я хочу помочь. Просто прими это, хотя бы сейчас.

Она резко поднимает на меня взгляд, раздражение вспыхивает в её глазах, но она молча опускает глаза обратно в тарелку, понимая, что я прав. Несколько минут мы молчим, я просто смотрю на неё, запоминая каждую её черту, каждое движение.

— Ты с Ромой общаешься? — спрашивает она вдруг тихо, не поднимая на меня глаз.

— Более-менее, — отвечаю осторожно. — Начал отвечать по-нормальному, уже без агрессии. Поздравил с днём рождения даже.

Она облегчённо вздыхает, её взгляд теплеет на мгновение:

— Хорошо. Я за него переживаю. Значит, у вас есть шанс наладить контакт.

Её слова, даже такие простые, будто ослабляют тяжесть в груди. Хочу продолжить разговор, спросить что-то ещё, но внезапно раздаётся звонок её телефона. Вика берёт трубку, и я вижу, как её лицо резко меняется, бледнеет, а глаза расширяются от ужаса.

— Что? Как сгорело? — её голос срывается, она прижимает ладонь ко рту. — Совсем? Я не понимаю…

Телефон выпадает из её рук, она резко хватается за живот, её лицо искажается болью и страхом.

— Вика! Что такое? — вскакиваю мгновенно, сердце грохочет в груди.

— Макс, живот… больно, очень… — она едва выдыхает, дрожа всем телом. — Мне страшно…

Не медля ни секунды, подхватываю её на руки. Она цепляется за меня в панике, утыкается лицом в мою грудь.

— Всё будет хорошо, — повторяю твёрдо, направляясь к выходу. — Я рядом, слышишь? Мы едем в больницу.

Она не отвечает, только дрожит и тихо всхлипывает, от чего внутри меня всё сжимается болезненным узлом. Выхватываю на ходу ключи и документы, быстро выхожу к лифту, прижимая её к себе, словно от этого зависит наша жизнь.

— Потерпи, милая, — шепчу ей, чувствуя её страх. — Всё будет хорошо. Я тебя не оставлю.

Лифт ползёт мучительно медленно, но я не перестаю гладить её по спине, тихо шепча слова поддержки, успокаивая её и себя одновременно. Она прижимается ко мне, вцепившись пальцами в мою рубашку так крепко, что ткань трещит по швам.

Укладываю её на заднее сиденье, вижу, как она пытается глубоко дышать, успокаиваясь, но это плохо выходит. Прыгаю за руль, завожу двигатель и резко выезжаю на дорогу.

— Дыши, Вика, прошу тебя, — голос мой звучит отчаянно и хрипло. — Всё будет хорошо. Слышишь меня?

— Максим… там… наша девочка, — шепчет она сквозь слёзы, и я чувствую, как ледяной ужас охватывает всё моё тело.

— Я знаю, милая, знаю. Всё будет хорошо, обещаю, — слова звучат как клятва, которую я не имею права нарушить.

Влетаю в больницу, неся её на руках, кричу врачам, которые тут же бросаются к нам:

— Помогите! Она беременна, срочно!

Её перекладывают на каталку, врачи начинают суетиться, и сердце моё проваливается куда-то вниз, когда я отпускаю её руку.

— Подождите здесь, — останавливает меня врач. — Мы проведём обследование и сообщим вам сразу.

— Нет, я хочу быть с ней! — рвусь я вперёд, но он мягко, но настойчиво держит меня за плечо.

— Сейчас нельзя. Я обещаю, как только будет можно, вас сразу позовут.

Меня заваливают вопросами про беременность, сроки, осложнения, а я понимаю, что не знаю почти ничего. Чувствую себя полным идиотом и совершенно беспомощным.

— Она на седьмом месяце. Беременность была долгожданной, очень… — мой голос звучит беспомощно и слабо, и врач понимает, что от меня мало толку, только сочувственно кивает:

— Мы сделаем всё возможное.

Они уходят, дверь закрывается, и я остаюсь один в пустом коридоре больницы. Сажусь на стул, обхватываю голову руками, чувствуя, как страх, тревога и отчаяние накрывают меня с головой.

Сейчас я абсолютно бессилен. Сейчас я могу только ждать, надеяться и молиться, чтобы с ней и нашей девочкой всё было хорошо.

Потому что это не просто страх или беспомощность. Это осознание того, что я могу потерять самое важное в своей жизни — семью. И сейчас я готов на всё, лишь бы они были живы и здоровы.

Глава 12. Максим.

Максим.

Коридор больницы давит своей стерильной тишиной. Минуты тянутся, как вечность. Каждая секунда отдается в голове гулким эхом, складываясь в часы, которые не кончаются. Я сижу, уткнувшись локтями в колени, сжимаю руки в замок, чтобы не разбить себе кулаки о стену. Хочется что-то делать. Бежать. Кричать. Рвать и метать. Но я бессилен.

Там, за этой белой дверью, потерялась в лабиринте множества кабинетов, Вика. И наша дочь. Две моих самых дорогих женщины. И от меня сейчас не зависит ничего.

Бессилие — оно убивает. Я не привык быть тем, кто просто ждёт. Всю жизнь я всё контролировал. Всегда. Всё. Всех. Кроме неё. Кроме неё одной, потому что Вика — мой свет.

Когда темно, когда всё рушится — она просто рядом. И становится легче. Она — моё тепло.

Её голос, её руки, даже её молчание — всё греет.

Она — мой дом.

Не стены. Не вещи. Она — место, куда хочется возвращаться. Каждый раз. Без причин. Без слов.

Она — мой воздух.

Иногда я думаю, что дышу, только когда прикасаюсь к ней.

Она — моя тишина.

Та, в которой нет страха. Нет боли. Только покой. Спокойствие в груди, когда смотришь в её глаза.

Она — мой хаос.

Потому что может взорвать изнутри. И только потом собрать по кусочкам — так, как никто другой.

Она — моё "навсегда".

Даже если ненавидит. Даже если спорит. Даже если сердится — я знаю. Она моя. И я её.

И я её полюбил именно такой.

Я никогда не думал, что вернусь в эти больничные коридоры в таком состоянии — не как уверенный мужчина, не как человек, решающий все проблемы, а как сломанный до основания мужик, у которого под кожей всё ноет от страха.

Только бы с ней было всё в порядке.

Потому что без неё — никак. Никак вообще.

Я поднимаю голову, прислоняюсь затылком к стене, закрываю глаза. И — как вспышка из прошлого — память выбрасывает тот вечер. Нашу первую встречу.

Гремит музыка, свет прожекторов пляшет по стенам, а она стоит у стойки, в красном платье и плаще — Красная Шапочка. Серьёзная, красивая, недоверчивая. И такая притягательная. Я подошёл и сказал:

— Я тебя съем.

Она, не моргнув глазом:

— Не подавишься?

Никогда не верил в любовь с первого взгляда. Её и не случилось, так думал долго. Она меня не поразила, не сразила наповал, нет. Она просто вошла — как свежий воздух в душную комнату. Как смысл в бессмысленную суету. И осталась.

Мы смеялись в ту ночь, спорили, она язвила, я отвечал. Потом я впервые увидел, как у неё дрожит подбородок, когда она боится показать, что ей “не всё равно”. И это не пугало — это привязывало. До судорог, до одержимости.

Медсестра проходит мимо, я вскакиваю:

— С ней всё хорошо?

Она лишь качает головой, мол, подождите.

Я снова сажусь. Лоб на руки.

Сколько лет мы вместе? Сколько всего пережили? От взлётов бизнеса до бессонных ночей с младенцем на руках. От слёз усталости и слёз после неудачных попыток ещё раз забеременеть до тех, что Вика скрывала в подушку, думая, что я не замечаю. Но я всегда замечал. Просто не знал, что мне делать.

Я никогда не был многословен. Для меня чувства — не слова. Я доказывал любовь делами. Крышей над головой, заботой, защитой. Пока однажды не понял, что Вике нужны были не только действия. Ей нужны были слова.

Когда я впервые сказал: «Люблю»?

Ромка. Только что родившийся, орущий, сморщенный комочек жизни в моих руках. Я стоял, боясь дышать, и смотрел на него. А потом посмотрел на жену. Уставшую, но сияющую. И тогда, только тогда, впервые сказал:

— Я тебя люблю, Вика.

Она расплакалась. А я… а я охренел вообще от всего. Потому что до этого момента думал, что и так всё ясно. Что если я рядом, если я живу ради неё — это и есть любовь. Но Птичка ждала этого признания. А я, дебил, не понимал его важности.

Мне хочется выть.

Но я просто сижу и жду, потому что другого выхода у меня нет. Потому что это мой крест сейчас — ждать и молиться, чтобы хоть раз судьба была на моей стороне. На нашей стороне.

Дверь открывается.

Я вскидываюсь с места так резко, что едва не теряю равновесие. Выходит врач — в хмуром лице усталость, в глазах — что-то тяжёлое. Он медленно снимает шапочку, подступает ближе.

Сердце падает куда-то вниз, я чувствую, как холод ползёт от позвоночника вверх.

— Что с ней? — спрашиваю хрипло, и сам не узнаю свой голос.

Врач смотрит на меня. Молчит секунду. Потом делает вдох.

И всё замирает.

Ох девочки…очень тяжело мне даются эти главы. Очень.
Саундтрек к главе, под него писала: МАЧЕТЕ “Никуда не смыться” почти всю книгу

пишу под МАЧЕТЕ… там столько смыслов

Глава 13. Максим.

Максим.

Мир вокруг сжимается в комок.

Он идёт ко мне, и я понимаю: если сейчас скажет хоть слово не тем тоном, я… не знаю, что со мной будет.

— Что с ней? — спрашиваю хрипло.

Голос мой сиплый, словно через ржавые трубы пробирается наружу. Я стою, сжав руки в кулаки, будто это поможет сдержать хаос внутри.

Врач смотрит прямо, честно, без суеты. Его глаза уставшие, в них столько дежурных объяснений, столько историй, что он, наверное, уже не помнит лиц. Но сейчас он смотрит на меня. И это взгляд, в котором нет фальши.

— Был судорожный приступ. Мы быстро его купировали. Она в сознании. Состояние стабилизируется.

Я хватаюсь рукой за стену, потому что подкашиваются колени. Холод проникает под кожу. Но я не падаю.

— Она… жива? — слова едва срываются с губ.

— Да. Сейчас в реанимации. Под наблюдением, — говорит врач спокойно. И всё-таки его лицо остаётся настороженным, сдержанным. Как будто он говорит: «Да, пока всё обошлось. Пока».

— Ребёнок?.. — выдыхаю я. Сердце колотится в ушах.

— Сердцебиение стабильное. Угрозы для плода на данный момент нет, — он делает паузу. — Но, Максим, эклампсия — это серьёзное осложнение. Мы не можем гарантировать, что приступ не повторится.

Слова тонут в крови, стучат в висках.

— Мы делаем всё возможное, — продолжает он. — Ваша жена получает магнезию, снижаем давление капельно. В динамике пока положительно.

— Что… нужно от меня? — голос хрипит, словно я не говорил целую вечность.

— Спокойствие, прежде всего. Поддержка. И… принятие. Мы не можем предугадать, как будет развиваться ситуация. Но сейчас она держится. Ради ребёнка. И вам нужно сделать то же самое. Быть рядом.

— Я привезу любого врача. Из Швейцарии, Израиля, Штатов. Назовите имя — и через пару часов он будет здесь.

Он качает головой. Не раздражённо — по-доброму, почти по-человечески.

— У нас отличные специалисты, поверьте. Мы делаем всё возможное. И потом… в её состоянии перевозить куда-то — нельзя. Это слишком рискованно. Мы уже начали курс. Наблюдаем.

Я киваю, но внутри всё рвётся — я должен был быть рядом раньше. Сделать больше. Не допустить этого.

— Можно к ней? — спрашиваю, чувствуя, как сжимается горло.

— Да, — говорит он после короткой паузы. — Но ненадолго. Пять минут. Постарайтесь быть спокойным. Не взволнованным. Не говорите ей ничего плохого. Она держится, но любая лишняя эмоция — это риск. Пожалуйста.

Я киваю. Не знаю, получится ли сдержаться. Но хотя бы увидеть её. Хотя бы услышать её голос.

Он кивает медсестре, та подаёт мне бахилы и халат, помогает надеть шапочку. Я иду за ней, шаг за шагом, будто в кошмаре. Привычная реальность рассыпалась. Осталась только эта дорога — к Вике.

Палата реанимации. Много приборов. Белые стены. Писк аппаратуры.

И Вика. Такая маленькая, почти прозрачная на фоне всего этого железа и пластика. Она лежит на боку, лицо бледное, губы сухие. Ресницы дрожат. И глаза приоткрываются.

— Макс… — шепчет она.

У меня перехватывает дыхание. Я подхожу ближе, присаживаюсь на край кровати, осторожно беру её руку.

— Я здесь, Птичка, — говорю я тихо. — С тобой.

Она кивает. Губы едва шевелятся.

— Сказали, ты меня донёс сам…

Не помнит ничего…

— А как иначе, — усмехаюсь я сквозь сжатое горло. — С тебя пылинки только сдувать можно, ты же знаешь.

Она слабо улыбается, потом снова морщится будто от боли.

— Как ателье? — спрашивает еле слышно.

— О нём потом, — отрезаю. — Сейчас ты — самое главное. Ты и наша девочка.

Её глаза наполняются слезами.

— Я боюсь, Макс… — шепчет она, сжимая мою руку. — Я правда боюсь.

— Я тоже, — говорю честно. — Но я рядом. И всё будет хорошо. Мы справимся. Ты справишься. Я в тебя верю.

Она отводит взгляд, будто стесняется слёз. Губы чуть дрожат.

— Позвони Роме… пожалуйста… скажи, что со мной всё нормально. Он тоже ничего не знает…

— Хорошо, — киваю. — Обязательно.

Она закрывает глаза на секунду. Губы чуть приподнимаются — не то улыбка, не то просто выдох облегчения. Я сжимаю её руку чуть крепче, прижимаю к губам.

Пять минут истекают. Медсестра подаёт знак. Я не хочу уходить. Всё во мне протестует. Но поднимаюсь.

— Я ещё приду, — обещаю. — Каждый день. Каждую минуту, когда разрешат.

Она кивает — слабо, но я вижу, как сжимаются её пальцы на простыне. Боится. Я тоже. Но я не покажу.

Выходя из палаты, я чувствую, как воздух режет горло. Как будто я снова научился дышать — и каждый вдох даётся больно.

Я не могу потерять её.

Я не могу потерять их.

Я выхожу из больницы, достаю телефон и долго смотрю на экран. В голове — гул. Шум приборов, голос Вики, дрожь в её пальцах, когда она просила: «Позвони Роме».

У него ночь. Будить сына — не в моих правилах. Да и спит ли он? В двадцать лет парни точно не спят ночами…

Нажимаю «вызов». Один гудок. Второй. На третьем он берёт трубку.

— Да?

Голос хрипловатый, уставший. Время к полуночи. Лондон.

— Рома, это я.

Тишина. Потом долгий выдох.

— И?.. — говорит он глухо. — Что нужно?

Я сглатываю.

— Я не для разговоров. Не для разборок. Просто... тебе нужно быть в Москве. Срочно.

— Почему? — голос обостряется. — Что-то случилось?

— Да, — говорю. — С мамой.

Тяжёлая, звенящая пауза.

— Что с ней?

— Она в больнице, — говорю ровно, стараясь не дрогнуть. — Пока стабильно. Но ей будет лучше, если ты приедешь. Она сама просила.

— Что с ней?— резче. — Конкретно.

— Я не буду врать, Ром. Ситуация непростая. Врачи делают всё, что могут. Сейчас она в реанимации. Пока всё под контролем. Но… я бы не звонил, если бы это не было важно.

— Чёрт... — он почти шепчет. Потом вдруг резко: — Это ты?

Я молчу.

— Ты снова её довёл? — голос стал ниже, опасней. — Если ты хоть на грамм виноват, клянусь — я приеду и снова врежу. Только сильнее.

— Не надо угроз, — говорю тихо. — Это не про меня. И не про тебя. Это про неё.

Он дышит тяжело, будто злость душит.

— Я прилечу завтра, — глухо говорит он. — Первым рейсом.

— Хорошо. Водитель тебя встретит.

Он молчит. Я тоже. И в этой тишине между нами — всё: боль, обида, память и… любовь. К единственной женщине. У него — к матери. У меня — к жене. Просто мы все потерялись.

Глава 14. Максим.

Максим.

Высокий, плечистый, с таким же выражением лица, как у меня в его возрасте — злость, решимость и что-то ещё, что я тогда в себе не замечал, но теперь вижу отчётливо: боль. Он шагает быстро, резко, будто сдерживает шторм внутри. Сумка через плечо, куртка распахнута. Глаза тёмные, сверкают.

Мы останавливаемся друг напротив друга. Секунду просто смотрим.— Где она? — бросает он хрипло. — В реанимации, — отвечаю спокойно. — Сейчас пойдём.

Он кивает, но взгляд не отводит. Губы плотно сжаты.

— Перинатальный центр… Что она тут делает?.. — он морщится, будто не верит, что вообще задаёт этот вопрос.

Я киваю. Говорю коротко:

— Вика беременна.

Он будто замирает. Смотрит на меня так, словно я сейчас пошутил. Но лицо моё, очевидно, говорит, что не до шуток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.